

Глава 1.

Идеи славянофильства и почвенничества в истории русской общественной мысли

1.1. Основные положения идеологии славянофильства¹

1.1.1. Общая характеристика

На формирование почвеннических идей Ф.М. Достоевского непосредственное влияние оказало славянофильство – направление русской общественной и философской мысли 40-50-х годов XIX века, выступившее с обоснованием самобытного пути исторического развития России. Самобытность России славянофилы видели в отсутствии, как им казалось, в ее истории классовой борьбы, в русской поземельной общине и артелях, в Православии, которое они представляли себе как единственное истинное христианское вероучение. Противники усвоения Россией западноевропейского уклада жизни, славянофилы призывали интеллигенцию к сближению с народом, к изучению его жизни и быта, культуры и языка.

Это учение было сформулировано в 1840-х годах И. Киреевским, А. Хомяковым и К. Аксаковым и сразу встретило резкий отпор со стороны западников в лице Белинского, Грановского и Герцена. В высказываниях более поздних славянофилов А. Григорьева и Н. Данилевского появляются националистические утверждения о превосходстве русской культуры над всеми другими. И, наконец, в работах К. Леонтьева славянофильство превращается в ортодоксальную систему взглядов, где русская «самобытность» сводилась к самодержавию и православию, а их сохранение в неизменном виде представлялось основной целью деятельности истинно русского человека.²

1.1.2. Исторические взгляды

Историческим воззрениям славянофилов была присуща идеализация старой,

¹ Основным материалом для изложения идей славянофильства в настоящей работе послужили труды известных историков русской общественной и философской мысли В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Н.А. Струве, в которых широко цитируются работы представителей славянофильства.

² См. об этом: Большая советская энциклопедия и Малый энциклопедический словарь.
[http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru)

допетровской Руси, которую они представляли себе гармоничным обществом, лишенным внутренних противоречий, не знавшим потрясений, представлявшим собой единство народа и царя, "земщины" и "власти". Но со времен Петра I, произвольно нарушившего органичное развитие России, государство встало над народом, дворянство и интеллигенция, односторонне и внешне усвоив западноевропейскую культуру, оторвались от народной жизни. Идеализируя патриархальность и принципы традиционализма, славянофилы по сути дела трактовали русский «народный дух» как внеисторическое явление.

1.1.3. Религиозно-философское учение

Философские воззрения славянофилов разрабатывались главным образом А. Хомяковым, И. Киреевским, а позже Ю. Самариним и представляли собой своеобразное религиозно-философское учение, генетически восходящее к восточной патристике и в то же время отчасти связанное с западноевропейским иррационализмом первой половины XIX века. Рассмотрим основные позиции религиозно-философской системы славянофилов, практически полностью построенной на оппозиции Западу.

1.1.3.1. Проблема познания

Западноевропейская цивилизация, по мнению славянофилов, расчленяет целостность познающего человеческого духа и признает источником знания либо разум либо чувственный опыт. В результате одни мыслители в своих философских построениях идут по пути формальной отвлеченности, другие – по пути отвлеченной чувственности³. Односторонняя аналитическая рассудочность, рационализм, "логическая деятельность, отрешенная от всех других познавательных сил человека", с одной стороны, и абсолютизация чувственного опыта – с другой, привели на Западе к утрате человеком духовной целостности, внутреннему раздвоению и даже расколу: "Западный человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления: в одном углу сердца живет религиозное чувство... в другом – отдельно силы разума... в третьем – стремления к чувственным утехам и т.д." (Киреевский)⁴.

В противоположность этому славянофилы утверждали, что полная и высшая

³ Лосский Н.О. История русской философии. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991, с. 18.

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001, с. 222.

истина постигается не одной способностью логического умозаключения, но умом, чувством и волей вместе, т.е. духом в его живой цельности. Принцип «цельности» познания является, с их точки зрения, главным достоинством русского ума и характера. Человек должен стремиться "собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия", поскольку "отвлеченная логическая способность" не является "единственным органом разума истины". Необходимо, "чтобы голос восторженного чувства, не согласенный с другими силами духа, он не почитал безошибочным указанием правды; чтобы внушения отдельного эстетического смысла, независимо от других понятий, он не считал верным путеводителем для разума высшего мироустройства (чтобы даже внутренний приговор совести... он не признавал... за конечный приговор высшей справедливости), даже чтобы господствующую любовь своего сердца, отдельно от других требований духа, он не почитал за непогрешительную руководительницу к постижению высшего блага; но чтобы постоянно искал в глубине души того внутреннего корня разума, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума" (Киреевский) ⁵. Киреевский верил, что "посредством объединения в одно гармоническое целое всех духовных сил (разума, чувства, эстетического смысла, любви, совести и бескорыстного стремления к истине) человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию, которые делают для него доступной суперрациональную истину о Боге и его отношении к миру" ⁶.

Различия в принципах познания обусловили различия в государственной, общественной и духовной жизни России и Запада: "... на Западе мы можем наблюдать раздвоение духа, науки, государства, классов, семейных прав и обязанностей, а в России, напротив, "стремление к цельности бытия внутреннего и внешнего", "постоянную память об отношении всего временного к вечному и человеческого к Божественному" ⁷. Эти особенности общественной жизни западной и российской цивилизации, в свою очередь, отразились на характере нравственности: "Отказавшись от поисков бесконечного и поставив перед собой жалкие задачи, западный человек "почти всегда доволен своим нравственным состоянием... Если же случится, что...

⁵ Лосский Н.О., с. 16-17.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Там же, с. 22.

действия его придут в противоречие с общепринятыми понятиями о нравственности, он выдумывает себе особую, оригинальную систему нравственности, вследствие которой его совесть... успокаивается. Русский человек, напротив того, всегда живо чувствует свои недостатки, и чем выше восходит по лестнице нравственного развития, тем более требует от себя и потому тем менее бывает доволен собою" (Киреевский) ⁸.

1.1.3.2. Религия: противопоставление Православия западным формам христианства

Поскольку философские построения славянофилов носят ярко выраженный религиозный характер, поскольку процесс познания неотделим для них от веры, в своих трудах они неоднократно касаются вопросов религии и церкви. Западные формы христианства – католицизм и протестантство – они подвергают резкой критике за отход "от основных принципов церкви" и "не по причинам извращения истины отдельными личностями, а принципиально" (Хомяков) ⁹. Обвинения в адрес европейского христианства строятся на тех же принципах, что и обвинения в адрес западной философии: рассудочность, односторонность, отсутствие цельности. В католицизме Хомяков находит "единство без свободы, а в протестантстве – свободу без единства", утверждая, что "в этих вероисповеданиях нашли свое осуществление только внешнее единство и внешняя свобода" ¹⁰. "Римский католицизм рационализировал даже таинство причастия: он истолковывает духовную деятельность как чисто материальную и настолько умаляет таинство причастия, что оно становится в его понимании видом атомического чуда", а в протестантстве "библия, сама по себе безжизненная книга, субъективно толкуемая каждым отдельным верующим, является основой религиозной жизни" ¹¹.

Под словом "церковь" славянофилами вообще понимается только православная церковь – принятое от Византии христианство в его "чистоте и цельности". Православие снимает дуализм веры и разума, провозглашает их внутреннее единство, открывает путь к "всецелой и всеобъемлющей истине" (Хомяков, Киреевский). В Православии они находят "такое понимание христианства, при котором... все основные

⁸ Лосский Н.О, с. 22.

⁹ Там же., с. 35.

¹⁰ Там же, с. 37.

¹¹ Там же, с. 38.

и неустранимые искания человеческого духа получают свое полное удовлетворение и освящение" ¹², а поэтому необходимо, "чтобы православное просвещение овладело всем умственным развитием современного мира, доставшимся ему в удел от всей прежней умственной жизни человечества" (Киреевский) ¹³.

Отношение к Православию как к единственно истинной, цельной религии повлияло на взгляды славянофилов на взаимоотношения между церковью и государством. Киреевский пишет: "Государство есть устройство общества, имеющее целью жизнь земную, временную. Церковь есть устройство того же общества, имеющее целью жизнь небесную, вечную... Временное должно служить вечному, поэтому государство должно руководить обществом в интересах церкви... Действительно, когда государство вершит правосудие, наблюдает за нравственностью и святостью закона, охраняет достоинство человека и т.п., оно служит не временным, а вечным целям... Только в таком государстве личности может быть гарантирована свобода. И наоборот, государство, существующее ради мелочных, суетных целей, не может уважать свободу. Политическая свобода является относительным и отрицательным понятием. Если этому понятию придают существенный и положительный смысл, то оно основывается на уважении к нравственной свободе и человеческому достоинству, на признании "святости нравственного лица" наряду со "святостью *вечных* нравственных истин". Такое понятие может иметь только религиозное начало. Поэтому свободное и законное развитие личностей может быть гарантировано только в государстве, построенном на принципах религии" ¹⁴. Очевидно, что Киреевский утверждает доминирующую роль религии по отношению к государству, православия по отношению к самодержавию.

1.1.3.3. Понятие «соборности»

Понятие «соборности» является основополагающим в учении славянофилов, характерным как для церковной, так и для общественной жизни и, таким образом, объединяющим религию и государство. Первым начинает разрабатывать антропологию в духе «соборности» А.С. Хомяков, решительно отвергающий так называемый индивидуализм. "Отдельная личность, – пишет Хомяков, – есть совершенное бессилие

¹² Зеньковский В.В., с. 233.

¹³ Там же.

¹⁴ Лосский Н.О., с. 24-25.

и внутренний непримиримый разлад... Лишь в Церкви, т.е. в свободном, проникнутом братской любовью к другим людям единении во имя Христа, – только здесь личность обретает все свои дары, всю полноту ее личного богатства" ¹⁵. Таким образом, соборность понимается как "свободное единство сынов церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути к спасению, единство, основанное на единодушной любви к Христу и божественной праведности" ¹⁶. Но это только одно из определений соборности. Можно так же сказать: "соборность – это максимальное единство при наибольшем разнообразии... это благодатное сочетание начал власти и равенства, власти и любви" ¹⁷. Отсюда следует, что "ни патриарх, имеющий верховную власть, ни духовенство, ни даже вселенский собор не являются абсолютными носителями истины. Таким носителем истины является только церковь в целом" ¹⁸.

Начало «соборности» (свободной общности), характеризующее жизнь восточной церкви, усматривалось славянофилами и в русском крестьянском общинном землевладении. Так, Киреевский в общине видел идеал общественного порядка: "отличительный тип русского взгляда на всякий порядок" заключается в "совмещении личной самостоятельности с цельностью общего порядка"; "цельность общества, сочетающего личную свободу и индивидуальные особенности граждан, возможна только при условии свободного подчинения отдельных личностей абсолютным ценностям и при их свободном творчестве, основанном на любви к цельности, к своему народу, к своему государству и т.п." ¹⁹. В общине нейтрализуется пагубная сторона личности – стремление к самообособлению, которое ведет к саморазрушению, и развивается плодотворная сторона личности – способность к самоограничению во имя высшего целого (Аксаков). "Личность в русской общине, – писал он, – не подавлена, но только лишена своего буйства, исключительности, эгоизма... личность поглощена в общине только своей эгоистической стороной, но свободна в ней, как в хоре". Эта "хоровая" жизнь личности открывает перед ней ее особый путь (т.е. охраняет своеобразие личности, дает ему простор), но подчиняет ее целому, как в хоре каждый

¹⁵ Зеньковский В.В., с. 189.

¹⁶ Лосский Н.О., с. 35.

¹⁷ Струве Н. А. Православие и культура. М: Русский путь, 2000, с. 241..

¹⁸ Лосский Н.О., с. 35.

¹⁹ Там же, с. 24.

певец поет своим голосом, но, подчиняясь задачам, которые выполняет хор в целом" ²⁰ .

1.1.3.4. Историческая миссия России

Истинная вера, пришедшая на Русь из ее чистейшего источника – восточной церкви, особенности русского национального характера и уклада жизни обуславливают, по мнению славянофилов, особую историческую миссию русского народа. "Смирненность русского народа, его набожность и любовь к идеалам святости, его склонность к общественной организации в форме деревенской общины или артели, основанной на обязанности взаимопомощи, – все это дает основание полагать, что Россия пойдет дальше Европы в вопросах достижения общественной справедливости" ²¹ .

Кроме того, каждая нация, словно живой организм, проходит свой путь от формирования до угасания. Западные страны вступили в период старения, в то время как Россия находится на этапе расцвета. "Англия и Германия, – пишет Киреевский – находятся теперь на вершине Европейского просвещения... но их внутренняя жизнь уже окончила свое развитие", "вслед им наступит черед России, которая овладеет всеми сторонами европейского просвещения и станет духовным вождем Европы" ²² . Великая миссия русского народа будет осуществлена тогда, когда он полностью проявит все духовные силы и признает принципы, лежащие в основе православия. Россия призвана стать в центре деятельности мировой цивилизации. История дает ей такое право, так как принципы, которыми она руководствуется, характеризуются завершенностью и многосторонностью (Хомяков). "Это право дается только тому государству, на граждан которого возлагаются особые обязанности. Россия стремится не к тому, чтобы быть богатейшей или могущественной страной, а к тому, чтобы стать "самым христианским из всех человеческих обществ" ²³ .

Новая культура будущего мыслилась славянофилами не как синтез Православия и западной культуры, но как построение нового творческого сознания, органически развивающегося из самых основ православной церковной установки. При этом

²⁰ Зеньковский В.В., с. 233.

²¹ Лосский Н.О., с. 40.

²² Там же, с. 15.

²³ Там же, с. 41.

славянофилы верили, что все подлинные ценности Запада окажутся "уцелевшими", хотя в своих корнях они окажутся связаны совсем иной духовной установкой ²⁴.

Подводя итоги, следует сказать, что труды славянофилов были направлены на разработку христианского миропонимания, опирающегося на традицию восточной церкви и Православие в той самобытной форме, которую ему придал русский народ. При этом они явно идеализировали общественно-политическое прошлое России и русский национальный характер. Славянофилы высоко ценили самобытные особенности русской культуры и утверждали, что русская политическая и общественная жизнь развивалась и будет развиваться по своему собственному пути, отличному от пути западных народов. Они неоднократно подчеркивали великую историческую миссию России, призванной оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов, а также помочь Европе в разрешении ее внутренних и внешних политических проблем ²⁵. Славянофильство оказало сильнейшее влияние на идеологию почвенничества, сформировавшуюся, во второй половине XIX века и отраженную, в основном, в публицистике Ф.М. Достоевского.

1.2. Идеи почвенничества в публицистике Ф.М. Достоевского

1.2.1. Общая характеристика

Почвенничество – русское литературно-общественное направление 60-х гг. 19 в., связанное с деятельностью писателей-разночинцев, группировавшихся вокруг журналов братьев Ф.М. и М.М. Достоевских «Время» (1861-63) и «Эпоха» (1864-65), программа которых заключалась в развитии новой идеологии «почвенничества» и в устранении разногласий между западниками и славянофилами. Его идеологами и пропагандистами были также А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов. В объявлении о подписке на журнал «Время» было сказано: "Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача – создать себе форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей" ²⁶. Термин «почвенничество» возник на основе публицистики Ф.М. Достоевского с характерными для нее призывами вернуться к "своей почве", к народным, национальным началам. Идеино почвенничество родственно славянофильству, прежде всего, их нравственной

²⁴ Зеньковский В.В., с. 234.

²⁵ Лосский Н.О., с. 50.

²⁶ Зеньковский В.В., с. 399.

ориентации на русское крестьянство; вместе с тем представители этого направления признавали некоторые положительные начала и в западничестве. Почвенники выступали против крепостничества и бюрократии, призывали к "слитию образованности и ее представителей с началом народным" и в этом видели залог прогресса в России. Принимая "европейскую культуру", они одновременно обличали "гнилой Запад" – его буржуазность и бездуховность, отвергали революционные, социалистические идеи и материализм, противопоставляя им христианские идеалы.²⁷

1.2.2. Преемственность идей славянофильства в почвенничестве

Как уже говорилось, славянофильство оказало непосредственное влияние на идеологию почвенничества. Многие положения славянофилов были восприняты, развиты, трансформированы в публицистике почвенников. Прежде всего, это касается противопоставления России и Запада.

1.2.2.1. Противопоставление Запада и России

Почвенники, как и славянофилы, отвергают "рассудочный" путь познания, характерный для западноевропейского мышления, защищают интуитивность и цельность мировосприятия. Так, Ап. Григорьев, восприняв гегелевский философский принцип целостного осмысления мира, остался, тем не менее, чужд его одностороннему логизму: "Для меня жизнь есть нечто таинственное, то есть нечто неисчерпаемое, необъятная ширь, в которой нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод"²⁸. "Логическое бытие законов несомненно, – писал он в другом месте, – мировая работа по этим отвлеченным законам идет совершенно правильно, да идет-то она так в чисто логическом мире, <...> в котором нет неисчерпаемого творчества жизни"²⁹. В работах Григорьева возникает особый "культ непосредственности", которая шире и полнее того, что из нее же извлекает логическое сознание (здесь, несомненно, прослеживается влияние Шеллинга с его учением об "интеллектуальной интуиции"). Подобное мировосприятие сближает философскую позицию Григорьева со взглядами Киреевского, которого он высоко чтит, считая "великим философом".

²⁷ См. об этом: Большая советская энциклопедия. [http:// slovari.yandex.ru](http://slovari.yandex.ru)

²⁸ Зеньковский В.В., с. 390.

²⁹ Там же.

Аналогичные мысли находим у Страхова, утверждающего, что "человек постоянно <...> враждует против рационализма" и "источник этого недовольства заключается не в уме, а в каких-то других требованиях человеческой души"; европейское же просвещение – это "могущественный рационализм, великое развитие отвлеченной мысли"³⁰. Будучи строгим защитником Гегеля в теории научного знания, Страхов отказывается от рационализма в оценке культуры, увлекается идеями Ап. Григорьева, становится в ряды почвенников с их "воспеванием "бессознательного" момента в историческом процессе"³¹. Неприятие западного рационализма усиливает культ русской самобытности у Страхова. Он становится страстным поклонником идей Н.Я. Данилевского, изложенных в книге «Россия и Европа», о различии русского и западного культурно-исторических типов.

Так же, как славянофилы, почвенники развивали свои философские построения, исходя из религиозного мировоззрения. Естественно поэтому, что одной из центральных проблем их работ является проблема религии. Принимая Православие за единственную истинную форму христианства, Достоевский видел путь спасения мира только в нем, предостерегая от пути католического и протестантского. С католицизмом он связывал "мораль насилия, принудительного спасения людей и деспотического водворения рая на земле"; с протестантизмом – "мораль голого бунта ради бунта, заповедь чистого разрушения и протеста во имя разрушения. Обе эти заповеди друг с другом связаны, говорил он. Вторая вызвана деспотизмом и насилием первой, ею питается и обречена на исчезновение, как только исчезнет "католическая" идея"³².

Особенности западноевропейского типа мышления, прежде всего рационализм, повлияли и на общественную жизнь этих стран, для которых стало характерным усиление личностного начала, а единственной формой общности признавалось право, закон, регулирующий отношения внутри государства. Повлияло это и на нравственность. Подчеркивая в европейских нациях возрастание "начала особняка", Достоевский пишет: "Они перестают понимать друг друга; они отдельно смотрят на жизнь, отдельно веруют и ставят это себе за величайшую честь. Они все упорнее и упорнее отделяются друг от друга своими правилами, нравственностью, взглядом на

³⁰ Зеньковский В.В. , с. 393.

³¹ Там же, с. 394.

³² Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000, с. 146.

весь Божий мир <...> во всем мире замечают только самих себя, а всех других – как личное для себя препятствие" ³³.

1.2.2.2. Мысль о всечеловеческом единении. Западная и русская модели единения человечества

Хотя понятие «соборности» – основополагающее в учении славянофилов – практически не встречается в трудах почвенников, но мысль о всечеловеческом единении, безусловно, близка по духу идее «соборности». На это указывает, в частности, Достоевский: "Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу во главе свободного всеславянского единения Европе"³⁴. Противопоставляя западноевропейскую модель единения русской, Достоевский пишет о том, что народы Западной Европы представляют себе человеческое единение на земле на основе правовых отношений. С его точки зрения, эта ложная, сугубо рационалистическая основа "в духе личного эгоизма" не оставляет места великому объединяющему началу в истинно христианской любви. Народы Западной Европы, "где личности наций чрезвычайно резко очерчены <...> либо вообще не мыслят исторический "итог" как всемирную гармонию наций, всеединение человечества либо мыслят его <...> существенно отлично от русского человека"³⁵. Таким образом, идея "правовых отношений" как основы "человеческого единения на земле" квалифицируется Достоевским как чуждая русскому духу.

Примером искажения модели единения, по Достоевскому, является модель французов, которые считают, что они могут выступать как учителя других наций, "насаждая ценности своего духа", что они и "есть голова всего единения, самые передовые, те самые, которым предназначено вести"³⁶.

В отличие от европейцев, русские способны освоить чужой опыт, увидеть чужие заблуждения и противоречия, снять и разрешить их и путем синтеза новых идей

³³ Тихомиров Б.Н. Наша вера в нашу русскую самобытность(К вопросу о русской идее в публицистике Достоевский). В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб.: ИРЛ РАН, 1996, с. 118.

³⁴ Там же, с. 112.

³⁵ Там же, с. 111.

³⁶ Там же.

осуществить "всечеловеческое единение" в духе любви и братства. Примечательно, что речь идет именно о синтезе, а не о высокомерном навязывании другим народам своих ценностей.

В соответствии с этим перед Россией встает особая историческая задача – в это верили славянофилы, в это верил и Достоевский. Мысль о всемирно-исторической миссии России, лишь намеченная у славянофилов, полное и глубокое развитие получила в публицистике Достоевского.

1.2.3. «Русская идея» как основа идеологии почвенничества

Идеи почвенничества, русской самобытности невозможно рассматривать вне контекста концепции «русской идеи» Достоевского. «Русская идея» – одна из основных мировоззренческих категорий Достоевского. В ней как бы сфокусированы решения писателя по ключевым для его миропонимания вопросам: о всемирно-исторических судьбах человечества и о судьбах христианства, о противоречиях европейской истории и о своеобразии и смысле истории России, о сущности взаимоотношений России и Запада, об особом строе русской души и т. п. Представление о «русской идее» у Достоевского менялось на протяжении двадцати лет (1861-1880). Однако при всех изменениях оставалось общее ядро – понятие «русской самобытности».

1.2.3.1. Религиозно-этические взгляды Достоевского и других почвенников

Как уже говорилось, почвенники трудятся над задачей вывести из "духа" Православия основы для философских построений, поэтому нельзя рассматривать их философские идеи вне их религиозно-этических взглядов. Так, уже в период сотрудничества в "молодой редакции" «Москвитянина» А. Григорьев обращается к Православию: в его "религиозном пробуждении момент национальный, а отчасти эстетический играет очень большую роль; Православие, которое становится дорогим Григорьеву, неотделимо для него от русской стихии"³⁷.

В основе всей идейной жизни, всех размышлений и построений главного идеолога почвенничества Ф.М. Достоевского были его религиозные искания: "Не как мальчик я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна

³⁷ Зеньковский В.В., с. 388.

прошла"³⁸. Сомнения эти рождались из глубин самого религиозного сознания; все они связаны с одной и той же темой – о взаимоотношении Бога и мира.

Только в истинной форме христианства, т.е. в Православии видит он спасение мира. Чтобы решить общественные вопросы, чтобы спасти человечество, Достоевский указывает "один путь <...> – путь религиозно-нравственной деятельной любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной"³⁹. Это и есть его главный завет: "Если люди проникнутся им и будут исполнять его – тогда все просто решится, тогда не будет горя и нужды, рабов и господ, тогда возможны подлинная свобода, равенство, братство; тогда будет "всяческий и во всех Христос"⁴⁰. Настоящее равенство говорит: "Какое мне дело, что ты талантливее, умнее, красивее меня? Напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя"⁴¹. "Только такое общество, состоящее из таких людей, и может быть крепким соединением людей. Только народ, в основе которого лежит такая идея, может быть сильным, здоровым и великим народом. Если же этот завет забыт им, если в основу его жизни и устройства положена только идея "спасения животишек", идея простой выгоды хотя бы за счет своего ближнего – конец такому народу и обществу: они погибнут"⁴².

Снова и снова говорит Достоевский, что есть только один путь спасения мира, трудный, но единственно надежный и верный – путь деятельной любви к людям, вне его – нет выхода.

1.2.3.2. Русская самобытность как предпосылка всемирно-исторической миссии России

Размышляя о "русском предназначении" и "русской будущности", Достоевский формулирует тезис, который является ядром его концепции «русской идеи» – "наша вера в нашу русскую самобытность"⁴³.

Что же представляет собой «русская самобытность», с точки зрения Достоевского?

³⁸ Зеньковский В.В., с. 401.

³⁹ Сорокин П.А., с. 143.

⁴⁰ Там же, с. 144.

⁴¹ Там же, с. 145.

⁴² Там же.

⁴³ Тихомиров Б.Н., с. 108.

Прежде всего, это способность русского человека к "усвоению всего общечеловеческого"⁴⁴; "идеальное представление о красоте, добре и истине", на котором базируется идея о "всемирной гармонии", основанной на братстве и любви, как "конечном исходе истории развития человечества"⁴⁵. Таким образом, по мысли Достоевского, национальная русская идея, объединяющая всех русских, есть мысль о необходимости "общечеловеческого единения".

Анализируя публицистику Достоевского, Б.Н. Тихомиров подчеркивает, что стремление к общечеловеческому единению, присущее русским людям, писатель выводит за пределы рациональной, рассудочной деятельности человека: "Фактически Достоевский постулирует существование в национальной психике некоего априорно присущего каждому современному русскому человеку, идеального представления, которое бессознательно лежит в основе, как бы в "подпочве" его конечных нравственных устремлений <...>. И это суть представление о конечной цели исторического развития человечества как всемирной общечеловеческой гармонии"⁴⁶. Это свойство, это представление, названное Достоевским "инстинктом общечеловечности" делает русскую нацию исключительным явлением в мировой истории. Писатель убежден, что "инстинкт общечеловечности", особая как бы имманентно присущая русским высокая нравственность способна разрешить любые противоречия, неизбежно возникающие в процессе развития наций, при том такие противоречия, которые сами нации разрешить не в состоянии. Позднее, в Пушкинской речи 1880 г., Достоевский укажет на эту черту как на характерную особенность духовного типа "русского скитальца" (казалось бы, уже по определению оторванного от национальной "почвы"), которому тем не менее "необходимо именно всемирное счастье, чтоб успокоится: дешевле он не примирится"⁴⁷.

Весьма примечательно, хотя и вполне естественно, что писатель практически не говорит о причинах, породивших исключительность русской нации, одаренной "инстинктом общечеловечности". Естественно, потому что его «русская идея» строится на вере, а не на знании, вера же не предполагает необходимости установления

⁴⁴ Тихомиров Б.Н., с. 108..

⁴⁵ Там же, с. 112.

⁴⁶ Там же, с. 110.

⁴⁷ Там же.

причинно-следственных отношений между явлениями. Однако одну причину он все же называет – это влияние русской истории на формирование истинного христианства в русской душе. Усвоение христианства русскими осуществлялось на фоне многовековых страданий, чего не было в истории других наций: "Главная же школа христианства, которую прошел он (русский народ – Жу Цзин-Фан), это – века бесчисленных и бесконечных страданий, <...> когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который за то спас от отчаяния его душу!"⁴⁸ Фактически Достоевский формулирует здесь свою версию глубинной христианизации Руси: подлинная духовная встреча русского народа и Христа совершается не вдруг, в одночасье в акте крещения, но через многовековые страдания, постепенно в русской душе вырабатываются особые свойства, которые делают ее открытой навстречу образу Христа, который "входит в русскую душу, как в идеально приготовленную для того форму"⁴⁹.

Понятие «русской самобытности» непосредственно связано с понятием «почвы», давшим название этому течению русской общественной мысли. Следует еще раз отметить, что почвенники никогда не оперируют логическими категориями, поскольку их идеология, враждебная рационализму, основана на вере, а вера не требует доказательств. Поэтому в их работах мы не найдем четких дефиниций, понятие «почвы» не сформулировано, дано как представление в ряду других представлений, составляющих идеологию веры "в нашу русскую самобытность". Так, у Ап. Григорьева находим: "Почва, это есть глубина народной жизни, таинственная сторона" исторического движения, которая "раскрывается в православии"⁵⁰.

Что касается почвенничества у Достоевского то, по наблюдениям Бердяева, оно также связано с глубинными основами народного духа "и в то же время являет собой высокий идеал вселенского христианства, переступающего границы народности"⁵¹.

Таким образом, «почва» представляется нравственно-психологической основой

⁴⁸ Тихомиров Б.Н., с. 114.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Зеньковский В.В., с. 391.

⁵¹ Там же, с. 403.

русского национального характера, веками формировавшейся константой народной жизни, включающей психологически освоенный исторический и религиозный опыт, национальные традиции, уклад жизни, нравственность (понятия о красоте, добре, истине) и "русский элемент" – способность усваивать опыт человечества и стремиться к всеобщему единению.

Из понятия «почвы», связанного исключительно с глубинами народного духа, вытекает и противопоставление народа и интеллигенции, наиболее полно выраженное в знаменитой «Пушкинской речи» Достоевского.

Именно из среды интеллигенции выходят русские скитальцы и страдальцы в поисках идеала и народа как носителя истинных основ духовности нации. Такой тип личности Достоевский видит в пушкинском Алеко («Цыгане»), который ищет идеал жизни в чуждой ему экзотической среде, между тем, как "правда прежде всего внутри его самого"⁵², и искать правду жизни надо в себе. Появление такого типа – результат разрыва с народной почвой: "В Алеко Пушкин <...> гениально отметил несчастного скитальца в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе"⁵³. Фатальный разрыв интеллигенции и народа, возникший, по мнению Достоевского, в начале второго столетия после петровской реформы, приводит к утрате общей идеи, к тому, что жизнь русской интеллигенции становится "сбивчивой и нелепой". Поэтому писатель призывает к "слитию образованности и ее представителей с началом народным" и подчеркивает необходимость для интеллигенции выйти на "спасительную дорогу смиренного общения с народом"⁵⁴. Гордыня – грех, в который впадает человек, лишенный связи с народом, вновь и вновь повторяет Достоевский: "Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве"⁵⁵ – вот решение по народной правде и народному разуму.

⁵² Достоевский Ф.М. Пушкин. Очерк. Собрание сочинений в 10-ти томах, Т. 10. М.: Художественная литература, 1958, с. 445.

⁵³ Там же, с. 443.

⁵⁴ Там же, с. 444.

⁵⁵ Там же, с. 446.

В Онегине писатель видит реалистическое продолжение Алеко. В противоположность Онегину Татьяна для него – идеал русской женщины, воплощающий народную основу: "... это тип твердый, стоящий твердо на своей почве... Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда..."⁵⁶; у Онегина "никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная чистая жизнь, – это "крест и тень ветвей над могилой бедной няни". ... И этого не мало, нет, тут уже многое, потому то тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею"⁵⁷. Таким образом, Пушкин сумел увидеть тип русского скитальца, но рядом с ним он одновременно поставил тип "положительной красоты" в лице русской женщины, хотя и дворянки, но множеством незримых нитей, связанной с мощным духом народной жизни. "Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека"⁵⁸. Благодаря Пушкину определилась "наша вера в нашу русскую самостоятельность, наша сознательная уже теперь надежда на наши народные силы, а затем и вера в грядущее самостоятельное назначение в семье европейских народов"⁵⁹.

1.2.3.3. Философия истории

Понятия «русской самобытности», «народной почвы», «всемирно-исторической миссии России» невозможно рассматривать вне контекста историософских взглядов Достоевского. Основными положениями философии истории Достоевского являются: 1. Мысль о предназначении наций в истории человечества; 2. Эсхатологические предчувствия – возможная скорая гибель человечества. Отсюда неизбежно вытекает мысль о спасении мира и нации, призванной это спасение осуществить.

Во второй половине 1870-х гг. Достоевский убежден, что задача спасения мира осуществляется не отдельной личностью, а целой нацией, так как нации возникают

⁵⁶ Достоевский Ф.М., с. 447.

⁵⁷ Там же, с. 451.

⁵⁸ Там же, с. 453.

⁵⁹ Там же, с. 454.

именно для решений универсальных задач человечества: "Только общая вера в призванность к делу "спасения" и становится импульсом к возникновению нации из "этнографического материала"; только общее "нравственное стремление" к такой цели и обуславливает становление, развитие нации, дает ей возможность и силы оказывать "огромное влияние на судьбы человечества"⁶⁰. "Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира <...>, – читаем в «Дневнике писателя» 1877 г. – Я утверждаю, что это было со всеми великими нациями мира, древнейшими и новейшими, что только эта лишь вера и возвышала их до возможности каждой, иметь в свои сроки огромное влияние на судьбы человечества". В этих строках квинтэссенция исторических взглядов позднего Достоевского, суть его историософской концепции. А ее центральный пункт – слова о "спасении мира"⁶¹.

На рубеже 1860-70 гг. в публицистике Достоевского появляются, апокалипсические ожидания: из-за существующих противоречий миру грозит гибель, спасти человечество может только та нация, которая верит в свое предназначение.

Б.Н. Тихомиров обращает внимание на то, что "в своих историософских построениях писатель экстраполирует личное острое ощущение конца мира на всю мировую историю, делает его как бы имманентным всемирно-историческому процессу"⁶². Обращаясь к европейским странам, он выступает как грозный пророк: "Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. <...> Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все <...> гражданские теории, все накопленные богатства <...> – все это рухнет в один миг и бесследно"⁶³.

В реальной истории человечество движется, развивается, устремляясь к ложным, далеким от идеала Христа целям. Поэтому реальная история, как она уже совершилась и в тенденциях ее развития, – это гибельный путь. Отсюда следует принципиальный историософский вывод Достоевского: спасение – это не сохранение того, что есть, а обновление мира через возвращение к идеалу Христа. И именно Россия в силу своей

⁶⁰ Тихомиров Б.Н., с. 123.

⁶¹ Там же, с. 120.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 122.

самобытности на данном историческом этапе развития человечества способна выполнить всемирно-историческую миссию спасения мира через его обновление.

1.2.3.4. Историческая миссия России

Представление об исторической миссии России у Достоевского менялось на протяжении двадцати лет (1861-1880), от ранних статей в журнале «Время» до Пушкинской речи и последних выпусков «Дневника писателя». В начале 1860-х гг. Достоевский считает, что русские способны примирить противоречия во взглядах европейцев и на этой основе объединить национальные европейские идеи: "Мы предугадываем, <...> что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях; что, может быть, все враждебное в этих идеях найдет свое примирение и дальнейшее развитие в русской народности"⁶⁴. Таким образом, Достоевский, в отличие от славянофилов, не отвергает ценностей западной цивилизации, но предполагает, что неизбежные противоречия, возникающие в ходе культурно-исторического развития, могут быть преодолены в будущем именно на русской почве. Очевидно, что на этом этапе речь еще не идет о спасении мира, а лишь о роли России в процессе познания мира и устройства человеческого общества.

По мере нарастания эсхатологических ожиданий взгляды Достоевского на всемирно-историческую миссию России меняются. Во второй половине 1870-х гг. положения концепции "русского предназначения" тесно связаны с философией истории писателя, с его представлениями об исторической миссии наций. Достоевский убежден, что решить задачу "спасения мира" может только Россия. Идея призванности к делу "спасения" именно России обусловлена у Достоевского целым комплексом представлений, центральное из которых – специфика русского национального духа.

Каким же образом следует России осуществить свою миссию? Ответ на этот вопрос, хотя и довольно абстрактный, содержится в «Пушкинской речи». Спасение человечества осуществляется через "новое слово" – через примирение "в духе

⁶⁴ Тихомиров Б.Н., с. 118.

христианской любви и братства"⁶⁵. Возможно, это "грядущее "новое слово" мыслится по аналогии с заповедью Христа: "...как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга" (Ин. 13: 34), т.е. предполагает личный пример, данный Россией миру, в деле жертвенной любви. <...> Кто хочет быть выше всех в Царствии Божием – стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение в его идеале"⁶⁶.

Анализируя третий период творчества Пушкина, – период проникновения в духовную жизнь других наций (Каменный гость, Пир во время чумы, Египетские ночи) – Достоевский обнаруживает в его произведениях уникальную способность освоения, раскрытия чужого духа не со стороны, а как бы изнутри. Именно в этом видится писателю воплощенная в Пушкине особенность русского национального духа: "Самые величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого <...> народа, дух его, <...> как это мог проявлять Пушкин. <...> Не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном, <...> и эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим"⁶⁷. В этом выразилась его национальная русская сила, выразилась и народность его поэзии, "ибо что такое сила духа русской нации. Как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?"⁶⁸. Поэтому в заключение Достоевский говорит, что Пушкин – выразитель миссионерского предназначения русских как единственной нации, способной проникнуть в психологию других (арийских) наций, "указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!"⁶⁹. Здесь Достоевский признает особой миссией русского народа спасение всего человечества на религиозно-этической основе.

⁶⁵ Тихомиров Б.Н., с. 124.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Достоевский Ф.М., с. 455-456.

⁶⁸ Там же, с. 456.

⁶⁹ Там же, с. 458.

Выводы

Сопоставляя идеи славянофильства и почвенничества, мы находим явную преемственность двух течений русской общественной мысли по основным позициям. Об этом свидетельствует, в частности, и высказывание известного русского религиозного философа, занимавшегося разработкой «русской идеи» В.В. Розанова: "Славянофильская школа, долгое время гонимая официально, <...> только в последнее время получила <...> в России свое признание и торжество. И ничто не способствовало этому в такой мере, как распространение Достоевского"⁷⁰.

Представители обоих направлений высказываются за самобытный путь исторического развития России, отличный от пути западноевропейского, который поможет ей избежать революционных потрясений. И те и другие противопоставляют Запад России в разных аспектах: отвергают рационализм западной культуры, признают целостный путь познания; принимают Православие за истинное христианство, видят путь спасения мира исключительно в нем, отвергают католичество и протестантство. Но, в отличие от славянофилов, почвенники не отвергают ценностей западной цивилизации. Историческая миссия России, с точки зрения почвенников, предопределяется характером русской самобытности, в основе которой лежит нравственно-психологическая категория «почвы» как инстинктивного стремления каждого русского человека к всемирному единению на основе христианских идеалов любви, добра и красоты. И хотя почвенники не оперировали категориями «соборности», «общинности», а славянофилы не знали понятия «почвы» в том значении, в каком оно появилось позже в публицистике Достоевского, совершенно очевидно, что они родственны, ибо в их основе лежит представление об особом, неповторимом строе русской души.

Почвенничество существовало недолго, но оказало значительное, прямое или опосредованное влияние как на развитие общественной мысли в России, так и на русскую литературу, примером чего почти сто лет спустя стали повести В. Распутина, в которых понятия "народного духа", "почвы" являются едва ли не центральными.

⁷⁰ Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия. / Сост. и авт. вступ. статьи С.В. Перевезенцев. М.: Роман-газета, 1994, с. 175.